

Время словно вернулось в тот день. Свет за окном кабинета начальника отряда «Призрачный глаз» был настолько ярким, что слепил глаза. Крылья стрекозы, прильнувшей к москитной сетке, едва заметно подрагивали — казалось, её выложили на раскалённый противень, смазали маслом и вот-вот зажарят до золотистой корочки.

Дневное сияние служило лучшей маскировкой: никому бы и в голову не пришло, что в такой час Цэнь Сяо решится на расправу над Ду Минли.

Последний отличался крайней осторожностью. Он знал, что от гостя можно ждать беды, поэтому, как только тот переступил порог Девятого района, его подвергли тщательному личному досмотру.

Разумеется, никакого оружия не нашли.

Будучи осторожным, Ду Минли в то же время был непоколебимо уверен в собственных суждениях. Он полагал, что Цэнь Сяо, за спиной которого незыблемыми скалами высились семьи Цэнь и Сяо, ни за что не осмелится пойти против него среди бела дня.

Именно поэтому хозяин кабинета согласился на встречу.

Он сделал это вовсе не ради того, чтобы поиздеваться над визитером, и уж тем более не для того, чтобы пролить пару лицемерных слёз по Ли Жуну. Просто начальник отряда понимал: если чувства Цэнь Сяо к юноше слишком глубоки, тот может посвятить всю жизнь борьбе с ним, что создало бы массу неудобств.

Он надеялся, что сможет переубедить собеседника.

В конце концов, это был всего лишь красивый любовник.

Время — лучшее лекарство. Сейчас, когда прошло всего полгода, Цэнь Сяо, возможно, ещё не может отпустить ситуацию. Но что будет через два-три года? Через пять или десять лет? Скорее всего, он даже забудет, как Ли Жун выглядел.

Ду Минли не преувеличивал — это был холодный расчёт, основанный на знании человеческой природы и здравом смысле. Годы стирают любые чувства, а организм неизменно адаптируется, чтобы продолжать функционировать.

Прошло шесть месяцев. Боль не могла быть столь же острой, как в первый день. К тому же, увидев тогда тело возлюбленного, Цэнь Сяо не покончил с собой в порыве отчаяния, а значит, разум в нём всё же преобладал над чувствами.

Начальник отряда вальяжно поправил одежду и приоткрыл ящик стола, мельком взглянув на лежащий там миниатюрный пистолет с глушителем. Даже если пришедший имел дурные намерения, бояться было нечего — Ду подготовился ко всему.

Когда Цэнь Сяо вошёл, его лицо выражало абсолютное спокойствие. Он даже не стал приближаться к рабочему столу — просто замер, молча глядя оппоненту в глаза.

Ду долго изучал гостя, но не заметил в его позе ни капли агрессии. Помедлив, он убрал руку от ящика и махнул Гэн Аню, который вошёл следом.

Помощник бросил на начальника тревожный взгляд, но, видя его уверенность, не решился возразить. Он слегка кивнул и медленно попятился к выходу, не спуская настороженного взгляда со спины Цэнь Сяо.

Трудно было объяснить это чувство, но Гэн Аня терзало недоброе предчувствие. Оно родилось из многолетнего опыта общения с самыми разными людьми в учебном центре. Он видел гораздо больше типов личностей, чем его руководитель, и знал: порой внешнее спокойствие — лишь затишье перед бурей.

Как только Гэн Ань вышел, стеклянная дверь за ним плотно закрылась.

Ду Минли со вздохом откинулся на спинку кресла. Косые лучи солнца падали из окна, освещая лишь половину его тела. Он замер на самой границе света и тени, и эта чёткая черта разрешила его лицо пополам, проходя прямо через глаза: один в тени, другой на свету.

— Я знал, что ты придёшь.

Стоило Ду Минли заговорить, как веки Цэнь Сяо наконец дрогнули. Он по-прежнему стоял на месте, и голос его прозвучал глухо:

— То сообщение... его отправил ты.

Цэнь Сяо получил известие лишь через час после того, как всё случилось. За это время он прошёл путь от неверия до удушающего головокружения, ледяного оцепенения и полной неспособности мыслить. Это были самые мучительные двенадцать секунд в его жизни.

А затем он услышал пустой, словно доносящийся из бездны, голос помощника:

— Самоубийство. Говорят, это было самоубийство.

Самоубийство?

Цэнь Сяо потребовалась вечность, чтобы осознать смысл этих слов. В ушах звенело, во рту разлился металлический вкус крови. В глазах потемнело, он пошатнулся, и помощник едва успел подхватить его.

Он знал, что сейчас нельзя падать. Он должен был поехать туда. На всём свете только он один по-настоящему дорожил Ли Жуном. Если он не приедет, Ли Жун останется совсем один.

Впрочем, полиция нашла бы его в любом случае. Вердикт о самоубийстве был вынесен на основании одной-единственной СМС в телефоне юноши. Она была отправлена прямо перед трагедией, уже после того, как Староста вошёл в кабинет опасных препаратов.

Получателем значился Цэнь Сяо.

Лишь позже, лихорадочно листая историю сообщений, тот обнаружил, что СМС автоматически попало в папку со спамом и телефон не выдал уведомления. В тексте было всего семь знаков — спокойных, решительных, но пропитанных жестокой нежностью и невыразимым соблазном:

[Я уйду, ты со мной?]

Когда Цэнь Сяо прочитал эти строки, кровь словно отлила от его сердца.

«Ты со мной?.. — подумал он. — Неужели он думал, что я не посмею?»

Он смотрел на экран, чувствуя, как его затягивает в этот опасный водоворот.

«Умереть было бы не так уж плохо, — билась в голове мысль. — Наконец-то наступила бы тишина. Не нужно больше терзать себя, не нужно бороться»

В этот миг экран телефона погас, и этот резкий щелчок, словно удар молота, вырвал его из забвения. Разум мгновенно прояснился, вытягивая его из манящей бездны.

Этот сон был прекрасен, но реальность требовала трезвого взгляда.

Цэнь Сяо любил Ли Жуна до боли в костях, не зная, что с этой любовью делать. Но тот его не любил. Даже умирая, Староста никогда бы не позвал его с собой.

Такой гордый человек в последнюю секунду жизни не стал бы искать утешения в чужой жалости. А значит, это сообщение написал не он.

Но полиция строила расследование только на этой зацепке. Для всех Ли Жун был юным гением, чей взлёт прервала трагедия — «талант, которому позавидовали боги». И если такой

человек решил уйти, значит, груз проблем стал для него невыносимым.

Жизнь Цэнь Сяо и его возлюбленного вывернули наизнанку. Мужчина и не думал ничего скрывать. Раньше, чтобы защитить юношу и не дать ему сгореть в пламени борьбы между «Ланьшу» и «Хунсо», он отрицал свои чувства. Но теперь в этом не было смысла.

Следствие, опираясь на медицинские записи, показания преподавателей и друзей, пришло к выводу: после гибели родителей Ли Жун находился в состоянии затяжного стресса. Психика не выдержала, а появление Цэнь Сяо стало той самой последней каплей. Под гнетом депрессии он выбрал крайнюю меру.

Всё выглядело логично и безупречно. Всё, кроме той злополучной СМС.

Цэнь Сяо даже пытался убедить себя, что Ли Жун действительно отправил её, что он хотел уйти вместе. Но он знал — тот так бы не поступил. Значит, тот, кто отправил сообщение, прекрасно знал о его чувствах. Этот человек хотел избавиться от угрозы, заставив его последовать за юношей в могилу под гнётом вины.

Выйти на Девятый район было лишь вопросом времени, ведь через Цзянь Фу он мог задействовать любые ресурсы Первого района «Ланьшу».

И вот Цэнь Сяо пришёл.

Ду Минли не стал отпираться. Он лишь тихо вздохнул:

— Видимо, ты любил его недостаточно сильно, раз не смог уйти вслед за ним.

Судя по собранным сведениям, Ду полагал, что Цэнь Сяо способен на такой шаг. Впрочем, так даже лучше — это доказывало, что тот умеет сохранять хладнокровие.

Начальник отряда посмотрел на гостя. Ему хотелось улыбнуться — это была его привычная маска, — но он не желал лишний раз провоцировать собеседника, поэтому произнёс мягко:

— Я этого не делал. Сообщение отправлял не я лично, технические мощности были за границей. Даже если начнется проверка, на меня ничего не выведет.

Он не лгал. За годы службы в «Призрачном глазе» он научился оставаться чистым перед законом.

— Я хочу знать причину, — голос Цэнь Сяо оставался ровным. Казалось, гибель Ли Жуна — дело давно минувших дней.

Ду Минли упёрся руками в стол и встал. Теперь вся верхняя часть его тела была скрыта тенью.

— А если я скажу, что действовал ради общего блага?

На лице Ду отразилось сожаление, но в словах не было ни капли раскаяния. Он стоял в тени, и на его смуглой коже поблёскивал лоск, редко встречающийся у людей его возраста. Он действительно не имел ничего против Старосты лично.

Цэнь Сяо едва заметно усмехнулся. Его лицо выглядело расслабленным:

— Что тебе рассказал Хань Цзян?

Начальник отряда медленно покачал пальцем по гладкой поверхности стола:

— Ты ошибаешься. Мы с Хань Цзяном разные люди. Он действует только ради наживы, я же — ради великой цели. Просто в этом деле наши взгляды совпали, и ты решил, будто я стал его последователем.

Улыбка сползла с лица Цэнь Сяо. Голос его стал громче и жёстче:

— Чьё же это «общее благо»?

Ду Минли помрачнел. Он с силой упёрся в стол так, что костяшки пальцев побелели.

— Общее благо всего общества! Цэнь Сяо, а может, мне стоит называть тебя господином вице-председателем? Верить ты или нет, но я не из ваших — я не изнеженный золотой мальчик. Я побился на это место в Девятом районе не ради себя, а ради стабильности в мире!

Цэнь Сяо давно не слышал столь самоуверенных речей о высших ценностях. Он задумчиво потёр мозоль от курка на указательном пальце, взгляд его был тёмным, как застоявшаяся вода.

— Ты убил Ли Жун ради общества? А ради кого Ли Жун исследовал проект GT201?!

Ду Минли с силой ударил по столу, мышцы на его лице свело судорогой:

— Его ошибка была в том, что он вообще в это ввязался! Это Цзян Вэйдэ играет с огнём. Если хочешь кого-то винить, вини его гордыню — это он погубил твоего любовника!

Взгляд Цэнь Сяо стал ещё холоднее. Он сделал шаг вперёд, и хозяин кабинета инстинктивно коснулся края ящика.

— Значит, в смерти родителей Ли Жуна тоже есть скрытые мотивы, — негромко произнёс Цэнь Сяо.

Ду Минли выпрямился, крепко сжав ручку ящика. Ему требовалась всего секунда, чтобы выхватить оружие.

— Я ничего тебе не скажу. Если когда-нибудь ты займёшь моё место и возглавишь «Призрачный глаз», ты всё поймёшь. И сделаешь такой же выбор.

Цэнь Сяо усмехнулся, мельком взглянув на напряжённую правую руку Ду Минли. Тот уже рассказал ему историю о вагонетке, надеясь, что такой проникательный человек, как собеседник, поймёт намёк. У Ду не было личных счётов к Ли Жуну, просто тот должен был умереть.

Цэнь Сяо внезапно повернулся к огромному окну. С нечитаемым выражением лица он смотрел на яркий, залитый солнцем город, на безоблачное синее небо. Жаль, что Ли Жун больше никогда этого не увидит.

— Когда всё случилось с семьёй Ли, ты ещё работал в финансовой компании, — спокойно произнёс он. — А значит, ты не участвовал в травле его родителей.

Он не спрашивал, он констатировал факт. Ду Минли не был причастен к тому злу, но теперь добровольно встал на сторону кукловодов.

— Травля? — Ду Минли покачал головой, глядя на Цэнь Сяо с тенью насмешки. — Ты собрался мстить за Ли Цинли и Гу Нун? Думаешь, их враг — это какой-то конкретный человек, которого ты ещё не вычислил? Ошибаешься. Убийца — это общественное мнение. Это безликая, невежественная, злобная толпа, заполонившая каждый угол этого мира! Это живые люди, ослеплённые пропагандой и неспособные мыслить самостоятельно! Это они убили Ли Цинли и Гу Нун. Те самые люди, которых твои учёные так любили и хотели спасти! И что ты сделаешь? Убьёшь их всех? Заставишь каждого увидеть своё убожество и подлость? Твоя месть лишена смысла. Как и жертва Ли Жуна. Неужели ты думаешь, что мир должен искупать вину перед твоим маленьким личным горем?

Цэнь Сяо перестал тереть мозоль. Он сжал кулак, и костяшки отозвались глухим хрустом.

Ду Минли рассмеялся:

— Но я не такой, как Ли Цинли. Я готов отдать всё ради великой цели, не ожидая благодарности. Я знаю человеческую натуру и просто делаю своё дело.

С этими словами он резко рванул ящик, выхватил пистолет с глушителем и навёл его прямо в сердце Цэнь Сяо.

— Я знаю, — размеренно продолжил Ду, — ты не сможешь отомстить за родителей Ли Жуна, но ты точно попытаешься отомстить за него самого. Рано или поздно ты придёшь убить меня.

Цэнь Сяо посмотрел на дуло пистолета. В его глазах не было и тени страха. Он даже сделал ещё два шага навстречу, не сводя взгляда с противника. Теперь их разделял лишь письменный стол.

Мужчина видел, как на лбу Ду Минли выступила испарина, как сузились его зрачки от предельного напряжения.

— Ты боишься?

Ду Минли негромко рассмеялся:

— Боюсь? Нет. Но я должен напомнить тебе: любая любовь и любая ненависть со временем блекнут. Прошло полгода — разве тебе не стало хоть немного легче? Пройдёт год, два, и ты всё забудешь. Смысл имеет только жизнь. Возможно, когда-нибудь мы даже станем партнёрами. Если ты успокоишься и подумаешь, то поймёшь: нам незачем уничтожать друг друга. Я не хочу устраивать стрельбу в кабинете — за тобой стоят Цэнь и Сяо. Ли Жун был хорош собой, но с твоим положением найти замену не составит труда. Мои слова могут казаться жестокими, но мир несправедлив. Возможно, такова уж судьба семьи Ли.

Цэнь Сяо вздохнул и сделал последний шаг. Ду Минли в предвкушении коснулся спускового крючка:

— Не двигайся.

Рука Цэнь Сяо скользнула к пряжке ремня. Пока внимание Ду Минли не переключилось на этот жест, он внезапно спросил:

— Ты хоть раз задумывался, сколько жизней спас бы успех проекта GT201? Кто из них на самом деле представляет интересы народа — эти люди или твоё призрачное «общее благо»?

Этот вопрос заставил Ду Минли на мгновение замешкаться. Он действительно никогда об этом не думал. Кто же это — «подавляющее большинство»? Он всегда верил, что говорит от лица народа, но ведь и те, кто проклинал Ли Цинли, были народом, и те, кто страдал от бактериальной прогерии, — тоже.

Чьё же благо он должен защищать?

И в эти несколько секунд, пока Ду колебался, в глазах Цэнь Сяо блеснула сталь. Он рванулся вперёд так быстро, что движение слилось в смазанную тень. Вскинув руки, он резко развернул корпус, уводя сердце из-под прицела.

Яркий свет разбился на осколки. В дрожащем мареве теней острое лезвие уже прижалось к сонной артерии Ду Минли. Ситуация изменилась в мгновение ока. Заряженный пистолет в руке Ду стал бесполезным куском металла, а холодная сталь уже впиалась в кожу — одно движение, и горло будет перерезано.

Начальника отряда мгновенно прошиб холодный пот. Он замер, боясь пошевелиться, но тонкая струйка крови уже поползла по лезвию вниз. Цэнь Сяо не знал жалости. Острая боль и нехватка воздуха заставили Ду ощутить дыхание смерти.

— Цэнь Сяо, ты... ты совсем не слушал, что я говорил?

Тот не ответил. Вместо этого он спросил:

— Что Хань Цзян сказал тебе перед уходом?

Мышцы Ду Минли то напрягались, то обмякали. Наконец он в изнеможении опустил руку с пистолетом. Он думал о сопротивлении, но понимал: против Цэнь Сяо это бесполезно.

— Ты не отпустишь меня. Даже если я всё расскажу, ты меня не отпустишь, — Ду Минли ясно видел это. Если Цэнь Сяо пронёс сюда это лезвие, значит, решение уже принято.

Он был готов бросить всё — положение, семьи Цэнь и Сяо, — лишь бы добиться справедливости для Ли Жуна.

Ду Минли охватила ярость: он всё же недооценил этого человека. И ещё больший ужас вызывало то, что Цэнь Сяо никогда прежде не раскрывал свою истинную силу. С таким мастерством ближнего боя и реакцией ему не было равных даже в «Призрачном глазе», и за все эти годы никто не заметил подвоха.

Цэнь Сяо был безумцем. А от безумца не стоило ждать милосердия.

Лицо Ду Минли стало мертвенно-бледным. Он закрыл глаза и прошептал последнюю фразу, едва шевеля губами. В этих словах была и насмешка, и месть. Напоследок он даже выдавил из себя жалкое подобие улыбки.

В следующее мгновение пришла острая вспышка боли. Кровь брызнула фонтаном. Ду Минли издал хриплый стон, его глаза закатились, устремляясь к потолку, где на плафоне лампы отражалась печать отряда «Призрачный глаз». С этим чувством невосполнимой утраты и сожаления он погрузился во тьму...

***

— Цэнь Сяо?

— Цэнь Сяо!

Зычный голос Ду Минли эхом разнёсся по пустой библиотеке. Время сделало круг, всё вернулось на свои места. Трагедия ещё не успела свершиться.

Цэнь Сяо пришёл в себя и посмотрел на собеседника. Тот выглядел озадаченным. Заметив, что партнер по разговору наконец отвлекся от своих мыслей, Ду подавил раздражение и повторил:

— Ты меня слышишь? Я говорю: один мой однокурсник работал финансовым директором в «Сухэ». По его словам, руководство компании открыто заявляло, что не планирует серьёзно оптимизировать «Цзякэтин». В ближайшие годы они не собираются выпускать лекарство, полностью излечивающее бактериальную прогеррию, потому что это невыгодно. Мой товарищ счёл такую корпоративную культуру аморальной и уволился. И какая ирония: Ли Цинли как раз нашёл способ исцеления... Цэнь Сяо, мы действительно могли бы сотрудничать.

Мужчина мельком взглянул на часы. Время начала занятий прошло уже десять минут назад.

— Поговорим о сотрудничестве, когда у тебя будут настоящие доказательства, а не пересказы чужих слов, — холодно ответил он.

Нахмурившись, Цэнь Сяо стремительно покинул библиотеку. Образы из прошлой жизни вызвали в нём мощный приступ ПТСР — сейчас он физически не мог видеть лицо Ду Минли. Оказавшись на улице, он глубоко вдохнул прохладный воздух, чувствуя, как лёгкие очищаются от невидимой копоти, а дыхание становится свободнее.

Он пока не мог рассказать Ли Жуну о тех словах, что Ду Минли произнёс перед смертью в той реальности.

***

Биохимический корпус Университета А недавно покрасили, и в коридорах стоял тяжёлый запах формальдегида. Ли Жун не ожидал встретить здесь Цзян Вэйдэ.

По логике вещей, Профессор Цзян должен был находиться в своём роскошном кабинете в институте «Хунсо» или, на худой конец, в профессиональной лаборатории. Университет А с его вечно стареющими корпусами и едким запахом свежей краски явно не соответствовал статусу такого светила.

Ли Жун прикрыл нос и рот рукой — тут было не до вежливости. Формально они с Цзян Вэйдэ ещё не были знакомы лично, и он даже не знал, как начать разговор.

Но Исполняющий обязанности директора заговорил первым. Казалось, он обладал завидным иммунитетом к резким запахам. Он внимательно, до мельчайших деталей, изучил юношу, и в его взгляде смешались облегчение и тревога.

— Ли Жун, — вежливо произнёс он. — Ты ведь помнишь меня?

Тот слегка прищурился, а затем его глаза потеплели:

— Помню. Профессор Цзян, друг моих родителей.

Цзян Вэйдэ кивнул и напомнил:

— В этом семестре я веду занятия у вашей группы.

Ли Жун решил прикинуться протачком:

— О, правда? Я ещё не успел внимательно изучить расписание.

Профессора не задело это притворство. Он знал, что гордые дети часто не хотят признавать, что находятся под чьей-то опекой. Но он пришёл сюда вовсе не из-за Ли Цинли или Гу Нун.

— У тебя отличные результаты, даже несмотря на то, что ты попал в не самую сильную группу, — объяснил собеседник. — Видимо, у тебя талант к биохимии, как и у твоего отца. Я не хочу, чтобы такой потенциал пропал зря, поэтому специально выбрал ваш класс.

Цзян Вэйдэ говорил искренне. Увидев итоговые оценки юноши за прошлый семестр, он первым делом ощутил гордость. Гордость за способности Ли Жуна и за то, что его родители оставили после себя нечто действительно ценное.

Староста убрал руку от лица:

— Я польщён вашими словами.

Цзян Вэйдэ подошёл ближе. Он смотрел на Ли Жуна долгим, сложным взглядом, а затем положил руку ему на плечо и веско произнёс:

— Старайся. Как можно скорее добейся результатов. Твои родители были бы счастливы.

Ли Жун едва заметно повёл бровью. Его интуиция и умение считывать чужие эмоции граничили с чем-то сверхъестественным.

«Цзян Вэйдэ словно торопится, — подумал он. — Сказал "как можно скорее", а не "стремись" или "мы ждем". Требовать свершений от первокурсника... Не слишком ли это жестоко?»

Ли Жун невольно вспомнил, что в прошлой жизни наставник тоже проявлял подобную спешку. Стоило юноше немного проработать под его началом, как тот доверил ему самостоятельное руководство группой. Он стал самым молодым исследователем в «Хунсо», и Профессор Цзян позволил ему командовать докторами наук и профессорами.

Он не подвёл — несмотря на колоссальное давление, Ли Жун преодолел все трудности и завершил проект GT201. Конечно, закончить такую работу меньше чем за два года удалось лишь благодаря неусыпному контролю Цзян Вэйдэ: стоило Старосте хоть немного отклониться от курса, как Исполняющий обязанности директора заставлял его всё переделывать.

Ли Жун осознал, что раньше просто не замечал этой спешки. Он и сам торопился, отчаянно желая исполнить волю родителей, поэтому не понимал, что и наставник был охвачен тем же лихорадочным желанием: поскорее завершить GT201, перейти к испытаниям на животных и подать заявку на первую фазу клинических исследований.

Ли Жун с невинным видом серьёзно кивнул:

— Я обязательно справлюсь.

Лишь тогда морщинка на лбу профессора разгладилась, он выглядел почти умиротворённым.

— Ты всего лишь на первом курсе, так что нужно заложить прочный фундамент. Если что-то будет непонятно — спрашивай без стеснений. Если на каникулах будет время, можешь прийти в лабораторию ассистентом. Посмотришь заранее, чем тебе предстоит заниматься в будущем.

Староста не ожидал, что Цзян Вэйдэ так рано начнёт устраивать его на стажировку. В прошлый раз всё было иначе. Тогда, по крайней мере во время учёбы в университете, собеседник почти не появлялся в его жизни. Ли Жун помнил, что и в той реальности он всегда был лучшим на курсе. Он учился с маниакальным упорством, желая достичь высот своих родителей. Всё остальное для него не существовало — его мир был вакуумом.

Но сейчас всё изменилось.

«Гипотеза об оптимизации CAR-T и ослаблении CRS» загадочным образом увидела свет, и она была неразрывно связана с ним. В «Мэйцзян» вскрылись серьёзные нарушения, авторитет Цэнь Сяо в Девятом районе взлетел до небес, и за всем этим маячила его тень. Он посещал занятия лишь мимоходом, но умудрился сдать экзамены с блестящим результатом и получить полную стипендию.

Как он учился и когда находил на это время — оставалось загадкой для окружающих. Не зная о

перерождении, Цзян Вэйдэ мог решить, что родители успели передать сыну колоссальный объём знаний. С такой базой его погружение в профессию пойдёт семимильными шагами, а значит, реализацию всех целей можно ускорить.

«Неужели Профессор Цзян увидел надежду и не удержался от того, чтобы явиться ко мне так рано?» — подумал юноша.

***

Выйдя из корпуса, Ли Жун всё ещё пребывал в раздумьях. Он не знал, куда идти, и просто брёл по дорожке, поддаваясь инстинкту. На улице было ещё зябко, но снег вдоль обочин почти растаял, оставив после себя лишь поблёскивающие лужи.

Юноша огибал ветви деревьев, ступая по сухому асфальту, и, подняв голову, обнаружил, что оказался возле корпуса факультета экономики и менеджмента. Взглянув на вывеску, буквы которой так и веяли благополучием, он внезапно ощутил острое желание увидеть Цэнь Сяо. Он знал, что у того сейчас должна быть «Микроэкономика».

В Университете А свободное посещение лекций обычно не возбранялось, особенно для своих студентов. Но нагрузка на каждом факультете была настолько велика, что мало кто находил силы заглядывать к соседям.

Ли Жун поднялся на нужный этаж и свернул к самой большой аудитории по правой стороне. Сначала он прильнул к стеклу двери, отыскивая взглядом Цэнь Сяо, и лишь убедившись, что тот на месте, толкнул дверь и вошёл.

Лицо мужчины выглядело напряжённым, он явно не слушал преподавателя. Перед ним лежал ноутбук, на экране которого была открыта страница презентации, совсем не та, что обсуждалась сейчас.

— Цэнь Сяо, ответьте на этот вопрос, — преподаватель постучал указкой по столу.

Тот сидел слишком близко к доске, так что его отсутствие на лекции не укрылось от взгляда учителя. Он действительно витал в облаках. Каждое воспоминание о тех шести месяцах после ухода Ли Жуна в прошлой жизни наносило ему новую психологическую травму, и ему требовалось время, чтобы прийти в себя.

Цэнь Сяо поднял глаза, быстро пробежав взглядом по слайду, но так и не понял, о чём его спросили.

— Возрастающие альтернативные издержки. Если вкратце, это причина изменения кривой производственных возможностей, — раздался неподалёку знакомый голос. Ли Жун, ответив, совершенно естественно отодвинул стул и сел рядом с Цэнь Сяо.

Окно было приоткрыто, и порыв ветра донёс до мужчины тонкий аромат шампуня, исходящий от юноши. Ненавязчивый, но дурманящий запах.

Преподаватель окинул взглядом красивое незнакомое лицо Ли Жуна, но сердиться не стал — незнакомец ответил безупречно.

— Я просил ответить Цэнь Сяо. Вы — Цэнь Сяо?

Ли Жун лучезарно улыбнулся, коснувшись плечом плеча возлюбленного:

— Он, должно быть, просто не расслышал вопрос. А я слышал, так что разницы нет.

Видя, что юноша несколько не смущён, учитель возразил:

— Как это — нет разницы?

Ли Жун мельком взглянул на Цэнь Сяо. Встретившись с его глубоким, как омут, взглядом, он тихо произнёс:

— Потому что он думал обо мне.

<http://bllate.org/book/15351/1506188>